

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОЛОНКА • КУЛЬТУРА

Виселица с прекрасным видом на лес, где теряются нити истории

Неделя в Вене. Часть вторая. Баден

18:35, 23 апреля 2024,

Иван Чекалов

писатель

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Это рассказ о том, как я открывал для себя Вену. Город историй, где все связано друг с другом, раз за разом прятался от меня — стоило показаться, что я отыскал ключ, как он снова исчезал, — однако подарил нечто еще более важное: чувство времени, полифонию голосов, неслышную в нынешней России, но отчаянно нам необходимую. Именно ею я бы хотел с вами поделиться.

(Продолжение. [Начало.](#))

Вид на Баден. Фото: IMAGO / Bernd Alfanz

В субботу мы не поехали в Баден, курортный город неподалеку от Вены, хотя с утра Беата сказала мне: «Может, поедem в Баден?», а я понял, что для нее это важно. Мы не поехали в

Баден, хотя вроде бы все благоприятствовало этой поездке — обещали солнечный день, от музеев мы уже чуть подустали. Вместо этого в субботу мы сходили в музей Леопольда. Помню в детстве — это было не в Вене — мы пошли с родителями и одним их другом на выставку Эгона Шиле и Хаима Сутина. В гардеробе друг родителей сказал мне: «Это как смотреть в цирке на уродов, карликов или бородатых женщин». «Мы смотрим не на художника, — ответил я, — а на его автопортреты».

Музей утомил нас. Климт понравился больше, чем Шиле (в «Леопольдштадте» Стоппарда важную роль играет портрет героини кисти Климта — как хорошо, что не Шиле!), и только серия полотен «Мертвый город», изображающих Чески-Крумлов, откуда родом мать художника, по-настоящему приковала к себе внимание.

На этих картинах мертвый, грязный город то зависает в космосе, обрамляющем его иссиня-черным кольцом, то сам себя теснит до почти слышимой городской боли, боли индустриальных звуков, выдавливающих наружу крыши, словно перепутавшийся моток проволоки провололочные колтуны. Мне пришли на ум изображения еврейских местечек у Шагала — живые, полные воздуха. По словам моих знакомых, Чески-Крумлов — милый, несколько лубочный городок. Но, глядя на эти картины, я чувствовал, что в них больше правды, чем в этих рассказах. Возможно, в детстве я ошибался. Глядя на картину, мы видим не просто полотно. Но ошибался и друг родителей, считавший, что любое произведение есть лишь автопортрет. Возможно, мы видим все вместе — может быть, без пейзажа невозможно увидеть место целиком?

Сады и парки — это пейзажи Вены.

Ограниченные рамой тротуаров, они не только дают Вене кислород, но и исполняют роль ее

внутренних органов.

А Венский лес — это «Мертвый город», душа, видимая только в застывших неподвижных пригородах. Stadtpark, светящийся золотой статуэткой Штрауса, Volksgarten, в котором каждый саженец имеет хозяина и подпись, барочный Аугартен, розарий Бадена.

У моего друга Михаила Постникова есть эссе о садах, основная мысль которого в том, что сад — это цитата, вырванная из контекста; деревья, цветы и кустарники, насильно встроенные в чужой им микроклимат. Пожалуй, в Москве так и есть, однако в Вене сады сами образуют микроклимат и диктуют правила. Таинственные леса без авторства, утопающие в листве историй. Будь лабиринт Тесея в Венском лесу, нить Ариадны запуталась бы в сочленениях веток, окрасилась бы в цвет хрупкой травы. Тесей победит Минотавра и останется в лабиринте навсегда, миф, окруженный иссиня-черным космосом, не найдет разрешения, но оголит душу истории. По цветаевскому выражению, станет «стрелой, пущенной в бесконечность». Расскажет правду.

Фото: Иван Чекалов / «Новая газета»

Оказавшись на следующий день в Бадене, мы с Беатой первым делом решили выпить кофе. С ее стороны это была уступка моим московским привычкам — как-то вот так, наверное, они нас и поработают, исподволь; дома я даже не замечаю, насколько мне необходима чашка кофе, чтобы функционировать. Беата нервничала. Баден — город, где всегда останавливались ее родители. Дважды, трижды важно: всегда останавливались и больше никогда не остановятся.

Город отдыхал — мы приехали аккурат на Пасху, большая часть магазинов и кафе оказались закрыты, и только на рынке нам удалось найти небольшой закуток. Хозяева обменивались пасхальными кроликами и пили вино. Сформировался план: пройти по небольшому лесному маршруту (большой я бы не осилил), начинающемуся прямо в центре Бадена, а на обратном пути зайти в любимое кафе Беаты «Клементина». Еще мне

хотелось заглянуть в императорский охотничий замок Майерлинга в пятнадцати километрах от Бадена, о котором я прочитал по дороге. Там в январе 1889 года нашли мертвыми единственного наследника Франца Иосифа эрцгерцога Рудольфа и его любовницу Марию Вечеру.

30 января 1889 года камердинер Рудольфа, поехавший с ним, Марией Вечерой и компаньоном эрцгерцога графом Йозефом Хойсом на охоту, не обнаружил кронпринца дома. После неудачных поисков он вместе с графом Хойсом решился взломать дверь в покои Рудольфа. Внутри он обнаружил бездыханные тела кронпринца и Марии Вечеры. Первая версия — двойное самоубийство. Яд. Резонов для такого поступка у Рудольфа было достаточно: неудачный брак, алкоголь и наркотики, долги. Мария, молодая 17-летняя дворянка, у которой за восемь лет до этого при пожаре в Рингтеатре погиб родной брат, вполне могла уговорить Рудольфа совершить такое безумство ради нее — тем более что к индивидуальной ревности здесь примешивалась общая страсть эпохи к декадентству.

Сообщать императорской чете о гибели их единственного сына, тем более о такой гибели, все боялись. В конце концов, решили доложить сначала не Францу Иосифу, а его жене Елизавете Баварской, также известной, как Сиси. Сиси, в свою очередь, рассказала обо всем мужу. Было решено объявить о смерти наследника престола от сердечного приступа, хотя в эту версию не верил никто, а сам Франц Иосиф, судя по всему, был уверен, что его сына отравила любовница.

Помимо всего прочего, смерть 30-летнего Рудольфа была выгодна политическим противникам империи. Чтобы отместить — или подтвердить — гипотезы о насильственном убийстве эрцгерцога и предотвратить межнациональный конфликт, в Мейерлинг послали лейб-медика. Тот нашел револьвер, не замеченный на месте трагедии сначала, но согласился с версией

о самоубийстве, опровергнув версию о яде. Также были обнаружены предсмертные письма Рудольфа: матери, сестре, другой любовнице. Впрочем, составлены они были расплывчато, без какой бы то ни было конкретики. Теории о политическом убийстве получили очередной аргумент в свою пользу. Вскоре император был вынужден официально признать факт самоубийства наследника — в конце XIX века новости распространялись быстро.

Однако на этом майерлингская история не закончилась. Тело Марии по понятным причинам похоронили в тайне, а затем перезахоронили в мае того же года. В 1945-м, во время боев за Вену, над могилой Марии Вечеры располагалась советская батарея. Солдаты разбили склеп, вскрытый гроб оставался в таком виде еще почти пятнадцать лет, пока в 1959 году тело Марии не подверглось осмотру. Пулевого отверстия в нем не нашли.

Незаконченные истории имеют поразительное свойство — как неразрешенный аккорд, взятый на фортепиано, они продолжают назойливо звучать в голове, пока музыкант не сыграет финал.

В незаконченном романе Роберта Музиля «Человек без свойств» повествуется о подготовке к празднованию 70-летия правления императора Франца Иосифа. Однако оно не состоится — не только потому, что автор не успел завершить книгу, но и потому, что Франц Иосиф умрет за два года до намеченного праздника.

Мы с Беатой не добрались до Майерлинга. С каждой минутой, проведенной в лесу, у меня все сильнее портилось настроение.

Мы взобрались на вышку, многие годы служившую виселицей для особо опасных преступников, откуда открывался прекрасный вид на венский лес.

Вид на лес с вышки. Фото: Иван Чекалов / «Новая газета»

— Что случилось, Вань? — спросила Беата.

Мы сели, и я начал рассказывать. Меня много что расстраивало: я не знал языка и был совершенно беспомощным в Вене без Беаты, боялся неизвестности, потому что не мог планировать ничего даже на неделю вперед. Но самое главное — это темный колтун на душе, связавший друг с другом множество непереваренных тревог.

А потом мы слушали ветер и смотрели на уходящие вдаль холмы.

Горизонт исчез за кронами деревьев. Но небо было везде.

В венском лесу нити историй, завязавшихся в городе, теряются. Их не видно, потому что они прячутся под землей — и становятся корнями Вены. Так образуется ее душа. Каждый раз, с каждой новой историей — душа рождается заново. Мы не знаем, что на самом деле случилось той зимней ночью в Майерлинге. Но как «Мертвый город» повествует о настоящем Чески-Крумлове, так гибель эрцгерцога Рудольфа раскрывает настоящую Вену.

Открытый финал в конце книги неизбежно приводит к разочарованию. Однако возвращаясь в тот вечер на поезде в Вену, я подумал, что это не финал, а стрела, пущенная в бесконечность.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Леопольдштадт](#)

Неделя в Вене

16:40, 12 апреля 2024, Иван Чекалов